

Курбатов О. А. Шляхетские формирования Великого княжества Литовского царской службы в боевых действиях 1654–1667 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 157–161.

О. А. Курбатов

Шляхетские формирования Великого княжества Литовского царской службы в боевых действиях 1654–1667 гг.

История создания, боевой путь и судьба подразделений шляхты великого княжества Литовского, находившихся на царской службе в период русско-польской войны 1654–1667 гг., до сих пор не получила комплексного освещения в историографии. Настоящий доклад представляет собой опыт обобщения результатов архивного исследования, проведенного в Российском государственном архиве древних актов по фондам Разрядного, Посольского, Иноземского и других приказов, с учетом новейших достижений отечественной и зарубежной историографии.

При анализе выявленной информации по личному составу «присяжных» хоругвей, их статусу, участию в боевых действиях и т. п. на первом этапе выявлены основные вехи, периоды истории данных подразделений. Если брать за основу политику царского правительства к «присяжной» шляхте и к населению Великого княжества Литовского в целом, вырисовывается следующая, довольно четкая картина.

1 период: 1654 – начало 1655 г. Образование в рядах московских войск первых воинских отрядов «присяжной» шляхты. Сложились три основных центра базирования

данных отрядов: поветы по Западной Двине (Полоцк, Витебск, Дисна и др.), Смоленск с округой (Рославль и Беляя) и Могилев, ставший пристанищем крупного отряда «белорусского полковника» К. Поклонского.

2 период: зима 1655 г. – весна 1656 г. Наступление войск гетмана Я. Радзивилла зимой 1655 г. имело следствием измену К. Поклонского и ряда других «присяжных». Это повлекло за собой принципиальный отказ от привлечения шляхты к участию во втором Государевом походе (1655 г.).

3 период: 1656–1658 гг. В условиях фактического раздела Польши шляхта начинает в массовом порядке возвращаться на свои земли, принимая царское подданство; параллельно на государеву службу переходят целые подразделения литовского войска. В знак демонстрации царских притязаний на Литву, с 1656 г. под знамена Алексея Михайловича на борьбу со шведами призывается вся «присяжная» шляхта, как восточных, так и западных областей ВКЛ. Но внутри Литвы ей приходится собственными силами защищаться от политики «показачивания» и насилия со стороны украинской старшины.

4 период: 1658–1660 гг. Открытое выступление против царской власти гетмана Выговского на Украине и полковника Нечая в Белоруссии поначалу массово поддержано «присяжной» шляхтой. Однако ее восстание не получило эффективной военной поддержки со стороны Украины и Польши и очень быстро было подавлено. Уже в 1659 г. «под государеву руку» возвращается большая часть литовских областей, а с ними — и боевые подразделения местной шляхты.

5 период: 1660–1667 гг. Ряд поражений от польско-литовских войск окончательно лишает Москву контроля над большей частью территории Литвы (1660–1661 гг.). Царь решительно отдает приоритет усилиям по удержанию Киева и Левобережной Украины. Полоцкая шляхта в 1662 г. переселяется вместе с семьями на Закамскую черту, где пылает Башкирское восстание. В русской армии на западном направлении остаются роты смоленской, бельской, рославской и невельской шляхты, которым уже четко отведены места в организационной структуре соответствующих военных округов (Смоленского и Новгородского разрядов). Наравне с московскими ратниками они служат во всех военных кампаниях вплоть до начала Великой Северной войны: в 1670-х гг. П. Гордон характеризует смоленскую шляхту как лучшую конницу русского войска.

Итак, хронология истории шляхетских подразделений вполне согласуется с общими тенденциями российской внешней политики 1650–60-х гг. Это наблюдение подтверждается и активностью царского руководства в сфере выдвижения разного рода военно-политических проектов. Назовем основные: гусарский полк из «служилой литвы» (1654 г.); проект соединения русских, украинских и белорусских войск под началом кн. Ю. И.

Ромодановского в Могилеве (1655 г.); меры по набору гусарского полка в 2000 человек на западе Литвы (1656 г.); поддержка Жмудского восстания против шведов (1656 г.); попытка созыва «посполитого рушения» литовской шляхты против шведов и Ракоци (1657 г.) и, наконец, проект захвата Риги «присяжной» шляхтой и мещанами под видом польских войск (1657–1658 гг.). После измены шляхты в 1658 г. ее роль в политических расчетах царского правительства практически сходит «на нет»; начало создания нового «присяжного» полка Е. Горского на западе Литвы (1660 г.) следует отнести к личной инициативе этого давнего сторонника Москвы и русского воеводы кн. И. А. Хованского. За последние годы войны (1660–1667 гг.) заслуживает упоминания лишь попытка переманить на царскую службу наиболее активного литовского партизана, полковника Либика Кривого Сержанта (1664 г.). Зато верная шляхта включается в более широкий контекст московской политики: если в начале войны ссылка «на Низ» (в Поволжье и Сибирь) практиковалась для наиболее ненадежных элементов «присяжных» и для военнопленных, то в 1662 г. туда же направляется полк Гаславского как сильное подкрепление в разгар башкирского восстания.

Собственная военная активность «присяжной» шляхты на царской службе чаще всего сводилась к вопросам самообороны. В особенности это следует отнести к частям, служившим по типу «посполитого рушения» и местных «поветовых хоругвей». Таким образом, они лишь унаследовали под новыми знаменами прежнюю задачу, которая регулярно ставилась перед ними с начала украинского восстания (1648 г.): это относится и к таким значительным соединениям, какие были у полковников Я. Кунцеевича на западе Литвы и К. Поклонского в Могилеве.

Но у ряда хоругвей существовал другой, в определенной мере противоположный мотив и для перехода на царскую службу (и обратно), и для активной боевой деятельности. В условиях безвластия, установившегося в 1655 г., эти отряды были вынуждены сами решать вопросы своего обеспечения. Поскольку денег на регулярную выплату жалования не хватало ни у одной из воюющих сторон, разного рода «волонтерские» и «приватные» хоругви стремились к захвату «приставств» — определенных территорий, с населения которых могли взиматься натуральные продукты по установленным нормам (т. н. «стацея»). Московские воеводы отводили для этого королевские, магнатские и прочие шляхетские маестности, чьи хозяева отказались присягать царю — отводили на условном праве, наподобие русских поместий. Кроме того, при выступлении в поход царь обязательно выделял значительные суммы денег на жалование — пусть даже и деньгами военного времени («ефимками с признаком» и медными). Подобные условия службы для боеспособных частей являлись обязательными в сознании и волонтерских полковников, и предводителей местной шляхты; их четкое выполнение создавало дополнительный стимул принимать царское подданство.

Некоторые хоругви и целые полки даже прорывались с боями к занятым русскими территориям (в конце 1655 – начале 1656 г.), не щадя при этом местное население, которое априори превращалось во «вражеское». И данная психология поведения не являлась чем-то новым для польско-литовского войска: самовольные «конфедерации» воинов, которые покидали неоплаченную службу и присваивали себе право «законно» обирать маестности «должников» (короля, гетмана и других сенаторов и дигнитариев), были настоящим бичом Речи Посполитой еще в 1600–1620 гг. Такие же явления вновь начались в польской армии в 1650-х гг., и рвение «присяжной» шляхты, которая громила в походе 1660 г. маестности «государевых изменников» на западе Литвы, мало отличалось от манер поведения «регулярного» литовского войска в той же местности.

Отметим также, что политическая позиция в 1654–1667 гг. шляхты основных центров «присяжных» подразделений имела свои глубокие исторические корни. Единства мотивов здесь не наблюдается — напротив, налицо глубокие отличия. В Полоцке, судя по всему, были издавна сильны позиции православных «диссидентов», и щедрая поддержка их царскими пожалованиями, вкупе с деятельностью православной кафедры, привела к тому, что полочане окончательно связали свою судьбу с Россией. Напротив, смоленская шляхта долгие годы существовала в атмосфере идейной конфронтации с Москвой, сплоченно выступая в защиту своих маестностей с 1611 по 1654 гг. Вынужденно оказавшись под строгим контролем царской администрации, смоляне продолжили эту традицию и сами превратились в настоящих «диссидентов» внутри царства, глухо протестуя против ущемления своих гражданских и религиозных прав. Подобные настроения не были секретом для царской администрации, но все же формально верная шляхта не подвергалась репрессиям — не в последнюю очередь благодаря своим военным доблестям. Наконец, позиция Могилева в этой войне определялась не настроениями шляхты, а политикой влиятельной городской верхушки. Решительный переход под царскую власть в 1654 г. и столь же резкий возврат на сторону польского короля в 1661 г. диктовались не только эмоциями, но и, в конечном итоге, довольно прагматичными соображениями экономического характера.

Осталось оценить результативность политики московской администрации по отношению к шляхте — разумеется, в плане ее ратной службы. Представляется уместным сравнение с аналогичными усилиями соперника России на территории Польши и Литвы — Шведского королевства. И здесь сравнение будет явно не в пользу последнего. В конечном итоге, шведам не удалось найти долговременной поддержки в среде шляхты и других слоев населения Речи Посполитой — в отличие от русских, которые создали на их основе ряд постоянных и, главное, боеспособных воинских подразделений. Главным преимуществом царских властей стала их продуманная политическая программа по отношению к населению

ВКЛ в целом — четкая, прозрачная и последовательная, что позволило привлечь к ратной службе самые разнообразные в религиозном, социальном и военном плане сообщества. Шведы же в большей степени ориентировались на контакты с верхушкой Речи Посполитой и мало интересовались расстановкой реальных политических сил: местных союзов шляхты, воинских соединений, мещан, что и привело их к стремительному поражению.